

А
АРХИЕПИСКОП ЙОЗЕФ БАРОН

КРЕСТ И ДИАЛОГ

ТЕОЛОГИЯ КРЕСТА
В СВЕТЕ ХРИСТИАНСКОГО
ЕДИНСТВА

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 261.8
ББК 86.37
Б25

Барон Й.

Б25 Крест и диалог: Теология Креста в свете христианского единства / Архиепископ Й. Барон. — СПб. : Алетейя, 2010. — 520 с.

ISBN 978-5-91419-370-3

Судьба нашей многострадальной страны сама создала объективные предпосылки диалога между представителями разных вероисповеданий. Но в христианской истории мы видим не больше единства и согласия, чем в истории нехристианской. Из-за этого автор книги задается вопросом: можно ли говорить о чем-то «главном» при утрате видимого единства между православными, католиками и протестантами? Читателю самому предстоит ответить на вопрос: если не реальность Креста, то что же иное сможет нам помочь решить проблему единства?! А для христианина, в первую очередь, Истина — это Христос.

Настоящая монография является первой на русском языке, рассматривающей диалог и проблему экуменизма в связи с теологией Креста. Она рассчитана на специалистов по Новому Завету и по сравнительному богословию, а также на всех, которым вопрос христианского единства остается не безразличным.

УДК 261.8
ББК 86.37

Фотография на обложке:
встреча автора с Папой Римским Иоанном Павлом II
в Ватикане в апреле 1996 г.

ISBN 978-5-91419-370-3

9 785914 193703

© Барон Й., 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

ВМЕСТЕ ИСПОВЕДОВАТЬ ИСТИНУ О КРЕСТЕ

«Мы видим наш христианский долг в свидетельстве православия, в развитии диалога и сотрудничества с инославными исповеданиями»

Патриарх Московский и всяя Руси
Алексий II

«...верующие во Христа, соединенные примером мучеников, не могут оставаться разъединенными... они должны вместе исповедовать одну и ту же истину о Кресте»

Иоанн Павел II

Вопрос единства Церкви, пожалуй, самый сложный и актуальный из всех вопросов современной церковной жизнедеятельности, рассматривается Йозефом Бароном с позиции *theologia Crucis*.

Причиной споров, разногласий, а иногда и вражды в церковной среде по церковным же вопросам чаще всего является убежденность каждой из сторон, что только она одна знает истину во всей ее полноте, а прочие ее или не знают вовсе, или обладают лишь частичным, неполным знанием. Автор приводит самые разнообразные, даже противоречащие друг другу, позиции сторон, предоставляя читателю право самому включиться в анализ философской природы и богословской сущности исследуемого материала, тактично не навязывая своего мнения, а лишь вооружая своего невидимого собеседника историческими фактами, аргументами и эволюцией логических построений.

Автором выяснена важная закономерность в том, что событие Креста для верующего означает не просто некую отвлеченную истину, но саму практику всей Истины, в которой представители того или иного вероисповедания принимают прямое, непосредственное участие, не смотря на их внешние различия. Крест, как уникальная совокупность всех проявлений практической христианской жизни, всегда находится между участниками межцерковного диалога, соединяя их. При этом

Крест всегда находится над христианами и над их, нередко узкими или неточными, даже искаженными, представлениями друг о друге. Автор берет на себя неблагодарную роль миротворца, предоставим читателю судить о результатах этой непростой миссии. Крест означает для верующих совокупность всего христианского опыта по сравнению с теорией, учением или метафизическими представлениями.

Особую ценность исследования мы видим в глубокой интерпретации мировоззрения Апостола Павла, которым книга духовно освящена и душевно насыщена. Если для евангелиста Луки споры между самими верующими как он не существуют, если для него первые христиане между собою солидарны и поддерживают друг друга и перед иудеями, и перед язычниками, и перед римскими чиновниками, то Павел сталкивается со многими проблемами и самого христианского учения, и различиями в духовных практиках, и с противодействием со стороны своих оппонентов, и с бытовыми разбирательствами среди самих верующих. Это и заставляет Апостола Павла по-особому относиться к вопросам единства видимой Церкви, этими напряженными коллизиями и пронизаны его послания, это и есть его глубокая и непреходящая внутренняя боль.

Нельзя не отметить и не поставить автору в заслугу его искренний порыв к веротерпимости и гражданской толерантности. Это особенно важно для нашей страны, давшей кров всем мировым религиям. Заслуживает одобрения позиция лютеранского архиепископа, который почитает Русскую Православную Церковь за Старшую сестру по вере. Сестру, которую следуют уважать в Её апостольской и канонической преемственности и у которой следует многому учиться. Это редкий пример христианской кротости и терпения верующего одного исповедания по отношению к верующим исповедания другого. Добрый пастырь поступает так, как учит и дает нам добрый пример.

Будем надеяться, что эта книга поможет нам измениться к лучшему.

Игорь Александрович Савкин

In memoriam Rev. Mons. REMIGIO MUSARAGNO (1926–2009)
amici Crucis et omnium christifidelium,
praelati Suae Sanctitatis

ОТ АВТОРА

Можно ли говорить о чем-то главном в Христианстве при утрате видимого единства между православными, католиками и протестантами?

(1) Россияне после затяжных времен советского безбожия могут пользоваться свободой совести и посещать храмы. Под такой свободой они понимают и возможность выбора духовных ценностей. Большинство относит себя к православию – традиционному Христианству в России. С другой стороны, определенное меньшинство у нас связано с католичеством, лютеранством, другими западными вероисповеданиям. Как правило, конфессиональная принадлежность такого меньшинства неотделима от судьбы верующих переселенцев из Германии, Польши, Прибалтики, от общения народов между собою. История нашей многострадальной страны сама создала объективные *предпосылки диалога* между представителями разных вероисповеданий. Из-за этого и название этой книги содержит три ключевых слова: «Крест», «христианство» и «единство». Об этом и пойдет речь на следующих страницах издания.

(2) Сразу оговорюсь: выбранная нами тема очень непростая. Единства, явно видимого человеческому глазу, нет и в светском обществе, нет его и в Христианстве. Невольно повторяю слова русского богослова и мыслителя о. Георгия Флоровского (1893–1979): «В христианской эмпирии нет единства. Христианский мир пребывает в разделении – и не только в разделении, но и в раздоре, и в смуте, и в борьбе. В христианской истории мы видим не больше единства и согласия, чем в истории внешней, нехристианской»¹. Не секрет, что «христианство ... больше и глубже расколото, чем мы это представляем» – писал чешский богослов Йозеф Хромадка в 60-е годы XX века. А ведь тогда экуменизм на Западе был в особой моде...²

¹ Прот. Г. Флоровский. Проблематика христианского воссоединения. П. 1. – Статья впервые была опубликована в 1933 г. в приложении журнала «Путь».

² J. L. Hromadka. An der Schwelle des Dialogs. Berlin, 1964. S. 55.

И все-таки, подобные мнения могут показаться довольно резкими. Ведь сегодня у нас другие возможности диалога, чем сто лет назад. Имеется не только Всемирный Совет Церквей в Женеве, но и Папский Совет по содействию христианскому единству в Риме. Есть Отдел внешних церковных связей Русской Православной Церкви в Москве. Между представителями разных конфессий происходят встречи. Более того, ведется диалог даже с другими религиями. Но все ли принимают участие в таких встречах? Прямо говоря, после открытия границ с Западом между христианами чаще чувствуется некий дух соперничества, чем диалога. И вообще: стоит ли бороться за экуменизм как за наше «общее дело»? А может быть, экуменизм – это лишь некий мираж и фикция?!

Кажется, окончательного ответа на такие вопросы, находясь в пределах этого брэнного мира, мы никогда и не получим. Тем не менее, по ходу мысли, изложенной в книге, еще раз попытаемся обратить внимание на проблему единства между христианами. Достигаемо ли оно вообще? Если да, то, *какое* именно? А может быть, оно, так или иначе, у нас уже *есть*? И поэтому от нас, в первую очередь, требуется лишь осознать что-то более существенное, экзистенциальное, то, что является *сутью* самого Христианства. А именно: при любых разногласиях остается вездесущая реальность Креста. Такая реальность остается и при т. н. «видимом» единстве: борьба идет не только за единство той или иной церковной «структуры», но и между Жизнью и смертью вообще... Необходимо прямо признать: Жизнь и смерть – это *общая* действительность нашего человеческого бытия, где, в итоге, – и мы верим в это, – побеждает Жизнь во Христе.

Предпосылкой для нашего диалога может стать следующий вывод: Христианство определяется Крестом. А это, в свою очередь, есть не просто событие, но точнее говоря, драма единения. Крест есть сама *практика* стремления к единству, самоотдача за единство – вопреки больному, глубокому и противоречивому раздвоению верующих. И Христос верующим не обещал «удобной» жизни и «легкого» единства – без Креста. Для этого Он нам дал помощь Духа... «Если мы не по имени токмо христиане, но или есмы, – говорит в одной проповеди святитель Филарет (Дроздов), – или хотя желаем быть истинными последователями Иисуса Христа, то имеем и свой крест, по Его заповеди (Мф. 16:24)»³.

³ Свт. Филарет. Житие. Избранные проповеди и письма. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. С. 85.

(3) Сама реальность Животворящего Креста не может стать некой «монополией» исключительно одной части Христианства уже по тому, что все, называющие себя христианами, исповедуют Распятого и Воскресшего. Более того, эта реальность, согласно общему опыту, относится и ко *всему* бытию человечества. Она, в итоге, включает и все творение⁴. Нам необходимо прямо ставить вопрос: ***если не реальность Креста, то что же иное сможет нам помочь решать вопросы нашего единства?!***

Далее, если быть честными и объективными: осмысление Креста у нас неотделимо от многовековой культуры русской православной церковности, ее богословской мысли. Церковность эта не только древнее, но, чаще всего, и богаче более поздних форм Христианства. И на Западе осмысление Креста возникло *раньше* эпохи Лютера или Кальвина. Для представителя протестантизма мировоззрение Лютера было бы более уместным показать во введении и к этой книге; но не Лютер является центром исследования, а Крест и его значение для понимания нашего единства. Поэтому стоит говорить не только об отдельных мнениях, но и о многовековом христианском опыте. В книге приводятся мысли авторов разных традиций Христианства; среди них и отцы реформации. В то же время понятия рассматриваются не со стороны «привычных» парадигм, а с перспективы *теологии Креста*. В связи с таким подходом автора (читатель сам должен убедиться в этом) работа содержит, как свои «акценты», так и возможные пробелы.

Во-первых. Особое место в изложении, включая целые главы, занимают *личность апостола Павла*, как основателя христианской богословской мысли, и действие Святого Духа в Церкви. Автор считает это пояснение обязательным. Нельзя говорить ни о Церкви, ни о ее единстве без «апостола язычников» – как главной богословской личности в Христианстве. Без нее и сегодня диалог остается ни чем иным, как неким отвлеченным понятием. Но и сам апостол часть вопросов оставляет открытыми, так как «непостижимы судьбы ... и неисследимы пути» Господни (Рим. 11:33). Если бы вера оставалась полностью «закрытой» и «ясной» системой, то на земле не было бы и разногласий, разномыслей.

Во-вторых. Следующая особенность – это осознание *контекста* нашего бытия. В то же время – это и расстановка «акцентов» на отдельных его явлениях. К характеру книги читатель может отнести и

⁴ Ср. Рим. 8:18-22.

некий свободный, т. н. «философский» подход к вопросу единства. В таких и подобных случаях возможен и некоторый риск. Автора могут обвинить в некафоличности, в отрывочности изложения темы или схематизме. Возможно, и в некой протестантской «тенденциозности».

Тем не менее, автор старался исходить от *общей* ситуации: Крест – благодаря Воскресению Христову – для каждого из нас остается не закрытым, а *открытым*, еще *несовершенным* событием. Он имеет особую перспективу в истории мира и в Церкви, продолжение в вашей и моей судьбе. Говоря словами Писания, мы взираем «на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия»⁵. Поэтому Крест Христов – особая «середина» между А и Ω, началом и концом всего происходящего в истории.

В-третьих, к неотъемлемой части работы относится и характеристика реформации XVI века, протестантизма вообще. Отнести ли его однозначно к *расколу*? А может быть, реформация оставила нам свои соображения и *в пользу* понимания того же Креста? – Как возможности и при внешнем расколе увидеть некое *внутреннее* единство?

В-четвертых, еще одна «особенность» для читателя, по всей видимости, будет заключаться в следующем вопросе: является ли автор протестантом, католиком или просто экуменистом без «четкой» позиции своей «конфессии»? Но главное, все-таки, в другом.

Будучи представителями своих исповеданий, но в то же время оставаясь людьми, мы всегда нуждаемся в дополнении друг друга. Такое происходит даже тогда, когда мы, защищая свою «единственную» и «правильную» конфессию, это в силе привычки отрицаем... Мы все находимся *у того же* Креста *за всех нас* Умершего и Воскресшего. Из-за этого автор в своих рассуждениях опирается не только на догматы как таковые. Он, в первую очередь, пытается исходить из *общей* реальности Креста, реальности общей для всех.

(4) Во вступительном слове полезно было бы, хотя бы в общих чертах, охарактеризовать понятие о Кресте в святоотеческой, а также западной традиции.

Необходимо признать: литература весьма богато представлена авторами, как восточной, так и западной традиции (см. библиографию). Богословы всех эпох, в первую очередь православные и католические, событие Креста, рассматривают в догматическом контексте (напр.,

⁵ Евр. 12:2

по вопросу воплощения и христологии). Но довольно часто о Кресте говорится и в связи с нравственностью, в наставлениях «духовной брани». К последнему жанру можно отнести, например, сочинения Ефрема Сирина (IV в.), книгу «Подражание Христу» Фомы Кемпийского (XV в.) или назидательные письма Феофана Затворника⁶.

Тема Креста повторяется, углубляется в проповедях русского духовенства. Напр. у святителей Димитрия Ростовского (XVII в.), Филарета (Дроздова), Иннокентия Херсонского (XIX в.). Она же развита у многих авторов XX века⁷, напр. у митрополита Сурожского Антония. Разумеется, порядок церковного года всегда включает проповедь о Кресте во время Великого поста. Многое по теме можно найти и у западных авторов, как католических, так и протестантских... В то же время хотелось бы обратить внимание читателя на следующий момент.

Уже по завершению этой работы пришлось прийти к неожиданному выводу: тема Креста у большинства авторов минувших веков, православных, а то и католических, как бы «отделена» от темы христианского раскола, от вопроса о единстве вообще... Верно, кто-то скажет, до XX века даже и не были знакомы сами слова «диалог» и «экуменизм»... Но подобное, с редкими исключениями⁸, происходило и в XX веке. Крест рассматривался (и до сих пор часто рассматривается) как нечто, принадлежащее исключительно одной единственной церкви или конфессии. Понятия «диалог», «экуменизм» в связи с Крестом и сегодня почти не упоминаются. Достаточно открыть вышеуказанные

⁶ Свт. Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? М., 1878. Верно, в указанном труде прямо о Кресте часто не говорится; тем не менее, тема присутствует везде контекстуально как идеал духовной жизни и отшельничества.

⁷ См. напр. сборники проповедей разных православных авторов: «Путь на Голгофу – путь к Воскресению». М., 2007 или «Крест Христов. Умилительные слова о крестных страданиях Спасителя». М., 2007.

⁸ К таким исключениям можно отнести, напр., монографию св. Иоанна Кронштадтского «О Кресте Христовом», выпущенную в 1896 г. Данный труд содержит богатую историческую и художественную информацию; он посвящен диалогу, точнее говоря, спору между православными и старообрядцами, вопросу о том, является ли исконная форма Креста четвероконечной или восьмиконечной. В ходе исследования о. Иоанн Кронштадтский детально и ясно показывает то, что «осьмиконечный крест ... есть уже русское изобретение» к примерно XVI веку, так как и «в Греции этого не было и нет теперь». Таким образом, продолжает о. Иоанн, «в древнейшие времена в Русской Церкви употреблялся и был почитаем большею частью четвероконечный крест и только изредко шестиконечный, а во времена, ближайšie к нашему времени, – и четвероконечный, и осьмиконечный, но нельзя не заметить, что в гораздо большем употреблении были четвероконечные кресты». – Цит. по изданию: М., 2007. С. 75 и 112.

нами сборники, чтобы убедиться в этом. В итоге, у читателя невольно создается впечатление: размышления о Кресте возможны как бы только в одной православной традиции. Но речь, все-таки, идет не просто о некой онтологической полноте православного или католического предания. Впрочем, с таким пониманием полноты, как некой «полноты» культурной формы Христианства, в принципе, мог бы согласиться и автор этих строк.

Если говорить о Кресте, речь, все-таки, идет не о метафизическом, но *экзистенциальном* понимании полноты жизни *любого* христианина. О том, что в глубине жизни (осознанно или неосознанно), независимо от нашей конфессиональной принадлежности, уже находится *сама реальность Креста* как таковая. Реальность эта, так или иначе, связана с духовным опытом каждого. Поэтому она должна восприниматься как некое свидетельство о ненарушенном в глубине единстве.

Один комментатор, характеризуя общие черты духовных понятий Востока и Запада, отмечает: «Авторы, движимые сугубо практической целью, не заботясь о проблемах учительных и богословских, подчеркивают почти *личностный* характер пережитого ими опыта. [...] Сущность духовной жизни состоит не во внешних формах практики, а в познании Бога и в любви к Нему. Совершенство христианина определяется главным образом *внутренним* совершенством, а потому оно требует смерти человеческого «я» и полного подчинения Богу»⁹.

Нечто подобное необходимо сказать и об экуменизме. Внешнее, формальное до сих пор нас часто разделяет. Но мы призваны как бы «отмирать» для внешнего. Не смотреть с верха на других, но входить в некое, хоть минимальное, общение с другими. Тем самым мы могли бы лучше осознать и то, что у нас переживается как нечто *общее*. Жизнь наша уже включена в смерть Христову, ставшую Жизнью и Воскресением ради нас всех.

(5) Подобный подход к вопросу христианского единства определил и последовательность изложения. После первого раздела, введения в проблематику экуменизма, следует основная часть – анализ топологии Нового Завета. Третий раздел работы посвящен связи реальности Креста с преданием, а также перспективам дальнейшего диалога. Бытие христианское, – точнее, его *самосохранение* в мире, – и есть ни

⁹ Ершов С. А. Опыт духовной брани на христианском Востоке и Западе // Лоренцо Скупполи. Брань духовная, или Наука о совершенной победе самого себя. СПб., 2009. С. 6 и 7. Курсив мой.

что иное, как *предание*. Но такое бытие может осуществляться лишь при помощи *Того же* Духа Распятого и Воскресшего.

Это необходимо принять как предпосылку. Речь пойдет не об экуменизме, как просто «сравнении» догматов между собою. Также и не о констатации того, что в православной или католической среде культура, оставаясь прочной связью с преданием, имеет некую «полноту»... Речь в данном случае, в попытке нашего исследования, пойдет о духовно-внутреннем, вечном смысле Христианства – *о смысле Креста в диалоге*.

Только что сказанное читателю (да и автору этих строк) не обещает легкого понимания вещей, включая и экуменизм – как особый «вызов»¹⁰ в условиях нашей современности. О нем уже говорилось, писалось больше, чем достаточно. Возможно, что-то существенное в книге осталось просто упущенным, и это издание будет нуждаться в дополнении, так как в любую книгу вносится и человеческий фактор. И все-таки, нашей задачей остается сама *попытка* изложения непростой темы. В этой связи уже сейчас хочется сказать пару слов об итогах. Начиная исследование, автор не подозревал, что проблематика единства окажется гораздо многостороннее и сложнее, чем это представлялось в начале. Возможно, тематика диалога у Креста, его категории, образы, метафоры, параллели не везде отражены полностью и в той мере, какой они заслуживают. По той же причине я побуждаю смиренно попросить у читателя понимания за то, что мне не удалось написать «короче», оформить итоги в более «сжатом» виде...

В 2007 году издательством «Алетейя» была выпущена в свет книга, посвященная пониманию Креста в Христианстве¹¹. В ней, в основном, рассматривается *общий* круг вопросов, связанных с тайной искупления. В свою очередь, задачей этого издания остается характеристика экуменизма как движения. Но и такая характеристика возможна лишь в тесной связи с Крестом. Он, в итоге, определяет не только *сущность* Христианства, но и *смысл* диалога – в пользу нашего же единства.

Предлагаемая вниманию читателя книга не увидела бы свет только моими усилиями. Я благодарю *всех*, без чьего участия она не

¹⁰ См. Кураев А. Вызов экуменизма. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003.

¹¹ Еп. Йозеф Барон. Крест и Христианство. Теология Креста для человека, Церкви и ее единства. СПб., 2007. Тема диалога в этой книге прямо посвящена глава XXIII: «Крест и единство». С. 264-280.

появилась бы. Благодарю д-ра Марину Юрьевну Ковалеву, а также ученого секретаря Иванову Нину Александровну за первое чтение текста. Викария Михаила Куденко – за редакцию материала, без которой книга не имела бы своего завершения. За дружескую поддержку признателен д-ру Марие Генриховне Лубченковой (С.-Петербург).

Особо благодарю прелата Ремиджио Музаранья¹², вся жизнь которого была примером служения христианскому единству. Его светлой памяти и посвящена эта книга. В 2009 году в вечность ушел также мой духовный отец, архиепископ эмеритус Эрик Местерс (Ēriks Mesters, Латвия). Всегда с добрым сердцем вспоминаю моего учителя, архиепископа, д-ра Яниса Матулиса (Jānis Matulis, Латвия), епископа Йонаса Калванаса старшего (Jonas Kalvanas senioras, Литва), моего учителя, епископа немецких лютеранских общин в СССР Харальда Калниньша (Haralds Kalniņš), оберпастора, профессора церковной истории Роберта Фельдманиса (Roberts Feldmanis), оберпастора, профессора литургии Альфонса Вецманиса (Alfons Vecmanis), профессора Ветхого Завета и классических языков, пастора Пауля Жибеикса (Pauls Žibeiks), профессора Нового Завета, пробста Яниса Берзиньша (Jānis Bērziņš), ректора, профессора философии и психологии Роберта Акментиньша (Roberts Akmentiņš). Всем этим людям, уже находящимся в вечности, я благодарен за дружбу и обучение. Несмотря на условия советского атеизма, преподавание богословских предметов в 80-х годах прошлого столетия происходило ежемесячно во время сессий Теологического семинара Евангелическо-лютеранской церкви Латвии. Во светлой памяти храню пастора Готфрида Шнейдера (Rev. Pastor Gottfried Schneider, Западный Берлин), монс. Яниса Вайводса (Rev. Mons. Jānis Vaivods), отца Петерса Вайводса (Rev. sac. Pēteris Vaivods, Латвия – Ликсна), маэстро духовной музыки, композитора Мамерта Цельминскиса (komponists Mamerts Celminskis) и органиста Игнатия Ливманиса (Ignats Līvmanis), прелата Юлиана Зачеста (prelāts Julijans Začests), Анну Подане (Anna Podāne, Латвия, г. Ливаны) и Мирдза Кангаре-Матуле (Mirdza Kangare-Matule, Латвия, г. Рига – Ауце).

Не могу не поблагодарить за годы изучения экуменической теологии (1996–99 гг.) и ныне здравствующих друзей: профессора о. Амвросия Эсцер (Rev. P. Ambrosius Eszer, ОР, Германия), профессоров

¹² Mons. Remigio Musaragno (1926–2009). Около 50 лет своей жизни, будучи основателем Центра Иоанна XXIII в Риме, прелат Музаранье отдал служению студентам, прибывшим на учебу из многих стран мира, и не только католикам.

о. Джорджио Маркато (Rev. P. Giorgio Marcato, OP) и о. Стефана Красича (Rev. P. Stjepan Krasic, OP), г. Рим, Университет Angelicum, монс. Оскара Ридзато (S. E. Rev. Mons. Oscar Rizzato, Град Ватикан), ректора Латеранского Университета, монс. Рино Физикелла (S. E. Rev. Mons. Rino Fisichella), монс. Луиджи Моретти (S. E. Rev. Mons. Luigi Moretti), ректора Университета Gregoriana, о. Джозеппе Питтау (S. E. Rev. Mons., Rev. P. Giuseppe Pittau), декана-профессора о. Джаред Викс (Rev. P. Jared Wicks, SJ) из США, профессора, руководителя Большого семинара по *theologia Crucis* в 1994-95 учебном году, о. Йоса Веркройсе (Rev. P. Jos E. Vercruyse, SJ, Бельгия-Нидерланды), декана-профессора Папского Восточного Института о. Эдварда Фарруджиа (Rev. P. Edward Farrugia, SJ), профессора о. Рихарда Шемюса (Rev. P. Richard Čemus), о. Профессора Вильяма Хенна (Rev. P. William Henn, ofmcap, США), о. профессора Янниса Спитериса (S. E. Rev. Mons. Yannis Spiteris, ofmcap, Греция), а также синьору Валентину Фридриховну Мюллер (Испания), Антанину Плешкайте (Antanina Pleškaitė, Литва), Марию Воицевичу (Marija Voicēviča, Латвия, г. Ливаны), сестру Анну Дуновску (Anna Dunovska, г. Рига), магистра Йоханнеса Меконнена (mag. art. Yohannes Mekonnen, Эфиопия), д-ра Вию Ауриню (Vija Auriņa, г. Рига) и Александра Георгиевича Дроздова (С.-Петербург).

За годы, проведенные в стенах школы г. Икшкиле, а также вечерней средней школы им. Яна Райниса в г. Риге благодарен всем учителям и преподавателям. Вспоминаю и преподавателей и руководство Факультета иностранных языков Латвийского Государственного Университета (1978–1984 гг.).

За совместные мероприятия и встречи не могу не поблагодарить актив Латышского и Литовского обществ в Ленинграде и Санкт-Петербурге – Веронику Барчкуте, Яниса Сикстулиса, Иманта Соколова, Маргариту Вовк, Нелду Матей и Барбару Бутину. Признателен консулу Юрису Балодису (Juris Balodis) и генеральному консулу Юрису Аудариньшу (Juris Audariņš) – недавним представителям Латвии в Санкт-Петербурге (1993–2004гг.).

Викарию, пастору Игорю Князеву (г. Москва – П. Посад) благодарен за поддержку и сотрудничество. Мои постоянные молитвы за пастора Дмитрия Мартышенко (г. Калуга). Спасибо за помощь Альмире Талхаевне Биккуловой, академику РАЕН, председателю Союза писателей «Многонациональный Санкт-Петербург», профессору Олегу Николаевичу Коротцеву и всему коллективу Союза. Хочу выразить благодарность поэтессе Ольге Николаевне Соколовой за литературные консультации и

Антонине Михайловне Баранцевой за многолетнее сотрудничество. Не могу не поблагодарить за молитвы архиепископа Уфимского и Стерлитамакского Никона (Васюкова), архимандрита Августина (Никитина), а также кардинала Яниса Пуятса (S. Em. Rev. Card. Jānis Pujāts, г. Рига), и епископа Яниса Цакулса (S. E. Rev. Mons. Jānis Čakuls, г. Рига). Мои благодарности семье Брежневых в г. Калининграде – Владимиру Алексеевичу, Оксане Ивановне и ее маме Тамаре. Остаюсь признательным Карлису Виллерушу (Kārlis Villerušs, Латвия – Икшкиле), Янису Барискевичу (Jānis Bariskevičs), его Матери (г. Рига – Лиелварде) и проф. Паулу Клявиньшу (sac. Pauls Kļaviņš, Латвия). Благодарю проф. Александра Сергеевича Белоненко и сестру Серафиму (г. Москва), а также проф. Юрия Васильевича Капустина (С.-Петербург).

Осмыслению материала помог и опыт преподавания предметов по Новому Завету и экуменической теологии в Санкт-Петербургской Евангелической Богословской Академии, за что я признателен президенту Академии, д-ру Сергею Ивановичу Николаеву, проректору Валентине Ивановне Майоровой, администратору Александру Геннадьевичу Цветкову, старшему пресвитеру Ивану Федоровичу Скиртаченко, магистру Алексею Анатольевичу Власихину и всему преподавательскому коллективу.

Импульсы к работе дало и общение с православными христианами, преподавание истории католичества и протестантизма в Институте богословия и философии (С.-Петербург). Мое почтение его ректору, проф. Петру Александровичу Сапронову, декану Наталии Михайловне Сапроновой, профессорам Олегу Евгеньевичу Иванову и Тимуру Александровичу Туровцеву.

Не могу не вспомнить и не поблагодарить директора издательства «Алетейя» Игоря Александровича Савкина, Надежду Рюриковну Андрианову и весь коллектив издательства за внимание и чуткость при подготовке этой публикации.

Молитвенно благодарю всех читателей, включая критиков и оппонентов за их отзывы и за то, если книга сможет послужить дальнейшему диалогу у Креста.

Санкт-Петербург, 25 января 2010 г.
в день Обращения апостола Павла

+ Йозеф Барон